

**АКАДЕМИК В. В. АЛЕКСЕЕВ —
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ**

doi: 10.30759/1728-9718-2024-2(83)-194-199

В июле 2024 г. исполняется 90 лет выдающемуся российскому историку и организатору научных исследований, основателю и многолетнему директору Института истории и археологии УрО РАН, доктору исторических наук, академику РАН Вениамину Васильевичу Алексееву. Благодаря огромному количеству написанных трудов и реализованных научных проектов юбиляра сама научная биография В. В. Алексеева сегодня уже приобретает значение выразительного, глубоко индивидуального по стилю и оригинального в части высказанных идей, но при этом всегда общественно значимого историографического явления. Если определять основное содержание научного творчества В. В. Алексеева, то таковым, безусловно, следует считать разработку наиболее актуальных проблем региональной истории России.

Маркер «региональный» в данном случае ни в коей мере не означает погруженности в узкоограниченную местную тематику или провинциального горизонта мысли. Скорее, наоборот — в поле зрения Вениамина Васильевича всегда находились важнейшие, ключевые проблемы истории России, которые определяли не только ее историческую судьбу, но в известной степени и ее современное положение. Это, как правило, очень острые и сложные проблемы — в частности, соотношение революции и эволюции в развитии России, знаковая для российского самосознания гибель царской династии Романовых, причины кризиса и распада СССР, историко-социологическая интерпретация опыта советского социализма, генезис российской цивилизации и ее основные конститутивные черты, механизм «вызовов» и «ответов» в динамике модернизации страны. При этом логика исследования часто выводит В. В. Алексеева за границы основного интересующего его периода — XX в. и заставляет искать корни исторических явлений в более далеких эпохах — вплоть до времен Московского царства. Какое же место в ряду этих масштабных проблем, разрабатывавшихся В. В. Алексеевым, занимает региональная проблематика?

Погруженность в изучение проблем региональной истории России — прежде всего,

истории ее восточных регионов — была предопределена отчасти самой научной биографией В. В. Алексеева — работой в академических и вузовских структурах в Сибири, а затем на Урале. Однако значение региональной истории можно понимать по-разному. Не секрет, что и в дореволюционной, и в советской историографии разработка региональных проблем зачастую сводилась к выстраиванию иллюстративного ряда исторических примеров, которые должны были — с известными вариациями — подтверждать общую траекторию развития страны. Несколько одностороннее понимание терминов «колонизация» и «освоение» подспудно несло в себе доминантный концепт распространения однотипных экономических, политических и культурных форм из исторического центра государства на его окраины.

Одна из главных научных заслуг В. В. Алексеева как раз заключается в том, что результаты его исследований, отраженных в многочисленных монографиях, статьях, острых дискуссионных докладах, вывели региональную историю России на иной, более высокий, уровень понимания — как активного и относительно самостоятельного фактора формирования российской государственности и самой российской цивилизации. О сложности и неоднозначности трактовки роли регионального фактора в истории России можно судить по тому, насколько за последние 30–40 лет менялись ориентиры в региональных исторических исследованиях — от «реванша» регионализма и подчеркивания самоценности истории регионов в 1990-х гг. до возвращения к унифицирующей имперской парадигме в начале 2000-х гг. и, наконец, к естественному дрейфу в направлении более сбалансированного, избегающего полемических крайностей понимания реальной истории регионов. Суть этой тенденции, которую можно наблюдать в развернутом виде сегодня, — это неизбежное признание того, что Россия является сложным социально-историческим организмом, который формировался не только за счет эффективного распространения имперской власти на многочисленные конгломераты народов и регионов, но и путем постепенного «схождения» и взаимной

адаптации региональных разностей, с результирующей выработкой тех форм солидарного общежития, которые сегодня мы определяем как российскую цивилизацию. Вместе с этим существенно меняется и понимание исторического прогресса, который заключается, вероятно, не столько в неуклонном следовании единой — пусть самой передовой — линии развития, сколько в многообразии и синтезе наиболее рациональных форм исторического опыта, источником которых является сложный ансамбль составляющих Россию регионов и культур.

Проявления этого более глубокого и диалектичного взгляда на региональное развитие обнаруживаются в научном творчестве В. В. Алексеева уже в 1960–1970-е гг., когда он приступил к изучению истории электрификации Сибири. Рассматривая реализацию грандиозной Ангаро-Енисейской программы энергетического строительства, ученому удалось увидеть не просто продолжение процесса индустриализации на новых территориях, но мощный качественный сдвиг цивилизационного уровня, связанный с подведением под индустриальное развитие страны новой энергетической и технологической базы, включая ее прогрессивное влияние на структуру экономики и развитие новых форм ее организации (территориально-производственные комплексы), на социально-культурное развитие общества и его идеологию. Роль и значение энергетического строительства в Сибири в этом контексте выходят далеко за собственно региональные рамки, приобретая национальное и глобальное значение. Результатом этих исследований стала подготовка В. В. Алексеевым фундаментального двухтомного труда «Электрификация Сибири», в котором региональная тема закономерно переросла в глобальную — проблему роли энергетического фактора в развитии человеческой цивилизации, в смене технологических и культурных укладов.¹ Для разработки региональной проблематики особенно актуальной стала отстаиваемая автором сквозная идея — о том, что освоение новых территорий не только обладает чертами исторического пути, пройденного более развитыми регионами, но и несет с собой целый ряд мощных инновационных эффектов, значимых не только для самого региона, но и для страны и мира в целом. Из региональной

¹ См.: Алексеев В. В. Электрификация Сибири. Историческое исследование. Новосибирск, 1973. Ч. 1; Новосибирск, 1976. Ч. 2.

проблемы в трудах ученого выросла перспективная научная идея общеисторического масштаба — проследить влияние энергетического фактора на развитие экономики и культуры от самых ранних эпох истории человечества до современных ростков постиндустриальной цивилизации. Статьи и доклады Вениамина Васильевича по данному вопросу неоднократно публиковались за рубежом, были представлены на крупнейших международных конференциях, неизменно вызывая большой резонанс в научном мире.

Этот многомерный, комплексный подход к проблемам регионального развития был применен В. В. Алексеевым и при изучении истории реализации другой крупнейшей региональной ресурсно-энергетической программы — освоения нефтяных и газовых богатств Северо-Западной Сибири. Вениамину Васильевичу и его ученикам удалось подвергнуть историческому осмыслению не только самые существенные вопросы производственно-технологического характера, но и весь спектр социальных проблем, связанных с освоением Северного Приобья, — формирование кадров, социальное управление, процесс урбанизации, социально-культурное развитие северных территорий, экологические последствия индустриального освоения и т. п. Оперативность, комплексность и глубина проведенных исторических исследований были высоко оценены практиками нефтяной и газовой отрасли Тюменского Севера, для которых воссозданная историками ретроспективная картина стала важным подспорьем в осмыслении последствий и уроков их деятельности.² В. В. Алексеев стал также первым историком-исследователем, который вывел актуальную в 1970–1980-е гг. тюменскую тему на уровень глобально значимой проблемы. Анализируя последствия освоения Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции, он неизменно рассматривал их и в контексте сложной динамики социально-экономического развития страны в поздний советский период, и с точки зрения влияния на мировой рынок топливно-энергетических ресурсов. Противоречивая роль «большой» нефти (неоспоримый сегодня факт!), по мнению ученого, состояла в том, что, поддерживая благосостояние советского общества в условиях кризиса его политико-экономи-

² См.: Алексеев В. В., Логунов Е. В., Шабанов П. П. Опыт решения кадровых проблем в нефтегазовом строительстве Сибири. Свердловск, 1987; Алексеев В. В., Ламин В. А. Прометей сибирской нефти. Свердловск, 1989.

ческой модели и сообщая последней известный финансовый запас прочности, она стала серьезным фактором ее консервации, затормозившим переход к объективно назревшим реформам хозяйственного механизма. Кроме того, с притоком в страну нефтедолларов следует связывать формирование недальновидной политики избыточной опоры на высокотехнологичный импорт, негативные последствия которой с особой силой сказались в России уже в 1990-е гг. В этом контексте региональная тема, несомненно, приобретала подлинно мировое значение. Развивая ее, В. В. Алексеев поставил в качестве широкой научно-исторической проблемы вопрос о роли ресурсного фактора в экономическом и политическом развитии СССР, а в последние годы применил этот подход к анализу факторной основы российских модернизаций XVIII–XX вв.

После того как Вениамин Васильевич стал в 1988 г. директором-организатором Института истории и археологии УрО РАН, его научные интересы закономерно сфокусировались на проблемах истории Урала. Это в определенной степени означало существенное изменение исследовательской оптики: если при изучении истории Сибири ключевое значение для понимания динамики и масштаба исторических перемен приобретали индустриальные регионы недавнего освоения, то Урал — это старопромышленный горнозаводский регион, который, по существу, явился пионером российской индустриализации, а это требовало определенного видоизменения в ранжировании наиболее перспективных для исследования направлений и тем. Это было особенно сложной задачей на переломе эпох — в обстановке кризиса прежней, марксистской, методологии и стихийного расползания «бесконцептуального» эмпиризма. Основные принципы регионального исторического исследования, апробированные на сибирском материале, были применены В. В. Алексеевым и в подходе к уральской тематике. Вениамин Васильевич исходил из того, что Урал — как признанный государствообразующий регион с богатейшим историческим прошлым, должен изучаться сквозь призму тесного сопряжения региональной, общероссийской и мировой проблематики. Необходимо было уйти от ползучего эмпиризма и провинциального, краеведческого уклона и представить прошлое Урала в широком контексте национальной и мировой истории. В узловых проблемах истории региона необходимо

было увидеть выражение крупных тенденций и процессов общероссийского и мирового значения — таких, которые именно на уральском материале могут быть раскрыты с наибольшей полнотой и наглядностью.

Новые замыслы и перспективные ориентиры для исследования истории Урала в значительной степени определились благодаря разработанной по инициативе В. В. Алексеева целевой научно-исследовательской программе «Исторический опыт регионального развития (Урал и сопредельные территории)».³ По мнению Вениамина Васильевича, именно призма исторического опыта, тесная связь исторической науки с социальной практикой важны даже не столько для поиска прямых ответов на текущие затруднения последней, сколько для лучшего самоопределения историков как в сложном и быстро изменяющемся мире, так и в противоречивом историографическом наследии. Концептуальная «матрица» исторического опыта важна прежде всего для того, чтобы, отвечая на запросы общества, историки могли в тематическом разнообразии выделить наиболее актуальные, значимые с точки зрения уроков истории исследовательские проблемы.

Выработанные В. В. Алексеевым принципы регионального исторического исследования позволили уже в начале 1990-х гг. реализовать несколько научных проектов, в которых идея смысловой связи истории Урала с общим ходом национальной и глобальной истории получила наглядное подтверждение. Раздвигая горизонт изучения уральской истории, Вениамин Васильевич предложил и реализовал со своими учениками идею широких историко-типологических сравнений Урала с наиболее известными старопромышленными регионами мира (Рур в Германии, Шотландия, Аппалачи в США и др.).⁴ Такие исторические сопоставления позволяли выявлять общие процессы и черты развития регионов прото- и раннеиндустриальной эпохи, которые можно относить к проявлению глобальных тенденций, — на этой основе более понятно становится своеобразие каждой национально-страновой модели, которое воплощалось в применении особых институциональных, социальных и ресурсно-технологических инструментов развития. Первые

³ См.: Целевая научно-исследовательская программа «Исторический опыт регионального развития (Урал и сопредельные территории)». Свердловск, 1989.

⁴ Зарубежный опыт антидепрессивной региональной политики / Алексеев В. В. [и др.]. Екатеринбург, 1992.

научные результаты в разработке этой темы получили высокую оценку специалистов сферы управления, поскольку исторический опыт давал им более глубокое понимание критических проблем старопромышленных регионов и стимулировал поиск механизмов преодоления их затяжного депрессивного состояния. Одним из продуктивных и богатых на научные выводы ответвлений этого исследовательского направления стала реализация широкого компаративного исследования процессов про-тоиндустриализации на примере становления черной металлургии на Урале и в Швеции. Этот российско-шведский проект руководители — (руководители — академик В. Алексеев, проф. Р. Торстендаль) завершился изданием в Оксфорде фундаментальной монографии «Железодельательные общества. Раннее индустриальное развитие в Швеции и России» (1998).⁵ Еще одним важным направлением исследования истории региона, выросшим из осмысления его ранней и потому чрезвычайно богатой и оригинальной горнозаводской культуры, стала работа В. В. Алексеева по изучению и актуализации индустриального наследия Урала.⁶

С точки зрения региональной проблематики 1990-е — начало 2000-х гг. рассматриваются как сложный и противоречивый период. В исторической науке, как и в обществе в целом, ощущалось влияние либерального дискурса, либо упрощенно сводившего решение региональных проблем к поиску удачной политической формулы для безбрежной децентрализации, либо, наоборот, считавшего присущее России региональное разнообразие излишним бременем, своего рода историческим проклятием. Решительно подвергая критике эти взгляды, В. В. Алексеев подчеркивал в своих исследованиях, что фактор регионального развития России (и особенно освоение ее восточных регионов) исторически являлся важнейшей конституирующей основой пространственной морфологии страны, ее цивилизационного облика и реализуемых ею геополитических стратегий. Поэтому в региональном измерении российской истории изучается не просто конгломерат регионов, но всегда определенная региональная структура, которая исторически отвечала

необходимости решения стратегических задач государства. Эта перспективная идея В. В. Алексеева легла в основу проведенной в Екатеринбурге в 1995 г. при поддержке Правительства РФ и трех региональных отделений РАН (Уральского, Сибирского и Дальневосточного) международной конференции «Региональная структура России в геополитической и цивилизационной динамике».⁷ С позиций сегодняшнего дня, когда в российском обществе возобладал взвешенный, политически мудрый взгляд на роль регионального фактора в истории России, можно оценить, насколько смелыми и провидческими для своего времени были взгляды академика В. В. Алексеева на этот вопрос.

В развернутом и наиболее убедительном виде этот подход к оценке вклада регионального фактора в становление России был представлен уже в начале 2000-х гг., когда В. В. Алексеевым и группой его учеников была подготовлена фундаментальная монография «Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века».⁸ Главная идея книги заключалась в исследовании долговременных геополитических, социально-экономических и цивилизационно-культурных процессов, обусловивших постепенную интеграцию обширных азиатских территорий в состав России. Азиатская часть России не только внесла огромный вклад в обеспечение ресурсных потребностей страны, но и стала одним из мощных геополитических и социокультурных «полюсов», которые придали российской цивилизации самобытный облик, обеспечили выживание и геополитическое самоопределение Российского государства на сложных поворотах истории, существенно повлияли на характер экономических и социальных трансформаций в общем ходе российской истории.

Опираясь на изучение опыта регионального развития России, В. В. Алексеев принял активное участие в обсуждении актуальных научных проблем, напрямую связанных с институциональным реформированием российской политической системы. Этому во многом способствовало участие Вениамина Васильевича в качестве сопредседателя в руководстве международным российско-бельгийским проектом «Региональное развитие Российской Федерации в европейской перспективе:

⁵ Iron-Making Societies. Early Industrial Development in Sweden and Russia, 1660–1900. Oxford, 1998.

⁶ См.: The Urals' Ironworks in the 18th–19th Centuries: Monuments of the Industrial Heritage Conservation. Madrid; Ekaterinburg, 1992; Индустриальное наследие Урала / Алексеев В. В. [и др.]. Екатеринбург, 1993.

⁷ Региональная структура России в геополитической и цивилизационной динамике: доклады. Материалы Международной научной конференции. Екатеринбург, 1995.

⁸ Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX вв. / Алексеев В. В. [и др.]. М., 2004.

исторический базис и современные тенденции» (1995–1998 гг.). При реализации этого проекта особенно наглядно проявилась особая научная позиция В. В. Алексеева, которая была сформирована десятилетиями изучения специфики региональных процессов в России.⁹ Если многие ученые несколько упрощенно воспринимали переход Российской Федерации к федерализму, то Вениамин Васильевич убедительно доказывал, что федерализация не есть панацея при создании эффективной политико-управленческой системы. Это была во многом формальная задача, которая не разрешает в полном объеме противоречий ни между центром и регионами, ни между отдельными (например, исторически богатыми и бедными) регионами. Поэтому федерализация должна в обязательном порядке дополняться полноценной институционализацией регионализма, сильной региональной политикой. Такая система лучше отражает региональное разнообразие и неравномерность регионального развития, позволяя избегать рисков государственного распада, которые в ряде случаев несет с собой федерализация.¹⁰ Это взгляд историка, который противопоставляет формализму правовых и политических абстракций выводы и уроки из богатого и противоречивого опыта истории. Эта проблема, как доказывал В. В. Алексеев в своих работах, звучала еще в XIX в. в русской общественно-политической мысли. Вениамин Васильевич полемически остро выступал против распространенных в 1990-е гг. недооценки (доходящей иногда до прямого пренебрежения) многоаспектного исторического опыта регионального и местного самоуправления в России, доказывая, что, если даже этот опыт не достигал современных показателей децентрализации и автономии, то он оказался достаточно функциональным и эффективным для условий такой обширной и разнообразной страны, как Россия. По мнению В. В. Алексеева, регионализм являлся органичным компонентом русской исторической жизни и даже в своих исторически ограниченных формах уравнивал традиционные для России издержки сверхцентрализации и бюрократизации, делая государственное управление гибким и предметным.¹¹ По насто-

янию академика В. В. Алексеева крупный раздел по проблемам регионализма был включен в итоговый текст международного учебника «Основы теории и практики федерализма», изданного в 1999 г.¹²

С конца 1990-х гг. в течение почти двух десятилетий основной фокус исследований В. В. Алексеева смещается к изучению проблематики российских модернизаций XVIII–XX вв. Утверждение модернизационной парадигмы в качестве концептуально-методологической и программной основы проводимых в уральском Институте истории и археологии исследований стало закономерным результатом как возросшего внимания к теоретическим вопросам, так и заметного углубления конкретно-исторических исследований по региональной — в частности, уральской — тематике. Важным достижением на этом пути стал выпуск под руководством В. В. Алексеева фундаментальных исследований, которые включили результаты десятилетия упорного исследовательского труда, — энциклопедии «Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.» (2001)¹³ и монографии В. В. Алексеева и Д. В. Гаврилова «Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней» (2008).¹⁴ Помимо громадного научно-информационного значения этих трудов, следует указать, что положенная в их основу концепция отразила очень важные итоги исследований — более глубокое и всестороннее понимание ведущих факторов и достижений развития горнозаводской промышленности Урала на фоне глобальной и национально-страновой индустриальной динамики, отход от упрощенных трафаретных схем, трактующих причины лидерства и отставания Урала в контексте широких процессов индустриализации. Эти труды убедительно доказали, что накопленный за века производственно-технический потенциал уральской промышленности по значению перевешивал действие факторов торможения и делал регион одним из опорных в динамике российских модернизаций, а причины временных конъюнктурных спадов в региональном производстве во многом коренились в недооценке этого потенциала правящими кругами.

⁹ См.: Regionalism in Russia: The Urals Case. Leuven, 1995.

¹⁰ См.: Alekseyev V. V. Federalism and Regionalism in Russia: Synonyms or Antipodes? // Federalism: Choices in Law, Institutions and Policy: A Comparative Approach with Focus on the Russian Federation. Leuven, 1997. P. 49–58.

¹¹ См.: Алексеев В. В. Регионализм в России. Екатеринбург, 1999.

¹² Основы теории и практики федерализма: пособие для студентов высших учебных заведений. Leuven, 1999.

¹³ Metallургические заводы Урала XVII–XX вв.: энциклопедия. К 300-летию уральской металлургии. 1701–2001. Екатеринбург, 2001.

¹⁴ Алексеев В. В., Гаврилов Д. В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008.

Результаты исследований начальных фаз и последующей динамики развития уральской промышленности во многом делали уместным рассмотрение Урала в качестве модельного региона для изучения процессов модернизации, стартовавших в России с начала XVIII в. Это позволило В. В. Алексееву поставить и обозначить в качестве одного из приоритетов исследования вопрос регионального измерения модернизационных процессов — один из самых сложных и дискуссионных в историографии. Предстояло не только проанализировать развертывание модернизации и составляющих ее субпроцессов на региональном уровне, но и выявить их вариативные особенности, оценить степень их влияния на общую динамику модернизации страны. В рамках решения этой научной задачи В. В. Алексеевым, были заложены основы для разработки более гибкого теоретического инструментария — неомодернизационного подхода, который рассматривает модернизацию не как однотипную линейную последовательность преобразований, но как цивилизационно-своеобразный процесс, зависящий от конкретных места и времени и, как следствие, от специфики комбинирования разнообразных факторов той или иной региональной сцены — от естественно-географических и ресурсных до институциональных и культурных.¹⁵ Как доказал В. В. Алексеев, региональная структура страны, с одной стороны, определяла неравномерный и разноскоростной характер модернизации в масштабе государства, с другой — модернизация, в свою очередь, вела к известному усилению неравномерности регионального развития, к постоянному пересмотру роли и значения отдельных территорий и регионов в ее стратегии.¹⁶ Помимо анализа фундаментальной проблемы соотношения модернизации и региональной динамики, В. В. Алексеев внес большой вклад в разрешение другого дискуссионного вопроса,

связанного с оценкой того, в каком направлении характерный для России широкий размах освоения новых территорий влиял на результативность модернизации — являлся ли он отягчающим фактором и тормозом критических для модернизационного перехода социальных трансформаций или, напротив, способствовал ее прогрессу. Как было доказано в работах В. В. Алексеева и его учеников, колонизация обширных пространств Евразии в существенной степени была подчинена решению задач ресурсного и финансового обеспечения страны при минимальных затратах, и в этом контексте осуществимость даже начального этапа модернизации — как показывает пример форсированного освоения Урала в начале XVIII в. — нельзя представить без ресурсных преимуществ, которые обеспечивали новые опорные базы на востоке страны. Целый ряд последних трудов В. В. Алексеева был специально посвящен оценке вклада восточных регионов — Урала и Сибири — в эффективное развертывание модернизационных процессов в России.¹⁷

Вышеназванные научные достижения Вениамина Васильевича в развитии методологии и проблематики региональных исторических исследований — это далеко не все его заслуги в части разрешения наиболее сложных историографических вопросов, они лишь характеризуют одну выразительную грань его исследовательского таланта. Не менее важным достижением юбиляра, который и сегодня по мере сил продолжает исследовательскую работу, является то, что его научные идеи во многом определили долгосрочную стратегию работы Института истории и археологии, дали богатые всходы в виде сплоченной и многочисленной когорты учеников и последователей, которые продолжают разрабатывать региональную проблематику в широком горизонте глобальной и национальной истории.

К. И. Зубков,

*к.и.н., руководитель Центра методологии и историографии,
Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)*

И. В. Побережников

чл.-корр. РАН, директор,

Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург)

¹⁵ См.: Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века. М., 2000.

¹⁶ См.: Regional Development in the Context of Modernization / Alekseev V. V. [et al.]. Ekaterinburg; Leuven, 1997; Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение. Материалы всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2009; Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: Взаимодействие макро- и микропроцессов. Екатеринбург, 2011.

¹⁷ См.: Алексеев В. В. Российские регионы в цивилизационной динамике // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3, вып. 2. С. 3–7; Он же. Роль регионального фактора в ответах на исторические вызовы России // Уральский исторический вестник. 2021. № 4 (73). С. 79–87; и др.